

Британцы в Москве в 1812 году: вымысел и реальность

А.А. Орлов

В Москве всегда жило много иностранцев. Одной из самых влиятельных, хотя и сравнительно небольшой, была британская колония. Но судьбы московских британцев в 1812 г. еще не привлекали к себе внимания историков.

Британская колония в Москве сформировалась в XVIII в. и постепенно увеличивалась. В полицейских ведомостях о числе жителей города за 1811 год указывалось, что здесь проживало 188 британцев обоего пола (111 мужчин и 77 женщин)¹. Как правило, в Москву из Великобритании приезжали купцы, предприниматели, техники, ремесленники, педагоги (гувернёры и учителя), врачи и специалисты в различных областях сельского хозяйства (особенно много среди них было конюхов)². В д. Вороново, подмосковном имении графа Ф.В. Ростопчина, жившего в Москве в отставке, была целая ферма, устроенная с помощью шотландских специалистов³. Один из служивших у него британских конюхов упоминается в письме Ростопчина к великому князю Константину Павловичу от 26 мая 1810 года. В письме говорится, что граф «выбрал парочку лошадок и отправил их к тебе с иноземцем выезжем из аглицкой заморской земли по их прозванию Андерсоном»⁴.

Генерал А.А. Чесменский, побочный сын знаменитого екатерининского вельможи графа А.Г. Орлова-Чесменского, завел в своей подмосковной д. Садки машинную фабрику «на английский манер», на которой работало много британских мастеров. В московском доме кн. А.М. Голицына жил конюх Джон Ричардсон⁵. Те, кто не получал места в городских или загородных домах москвичей, селились обособленно, в основном, там, где проживали другие протестанты, то есть в Мясницкой, Басманной и Лефортовской частях столицы.

Некоторые британцы жили там в течение 30-ти лет и больше и накопили значительное состояние. Так, богатый московский купец Уильям Грей активно занимался не только торговлей, но и ростовщичеством. В списке его должников значились многие представители аристократических родов — Голицыны, Куракины, Гагарины, Мещерские, Лопухины, Татищевы, Нарышкины, а также ряд дворян попроще из числа русских и иностранцев⁶.

С 1810 по 1831 г. в Москве жил известный ирландский композитор и пианист Джон Филд, учениками которого были многие впоследствии знамен-

Орлов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного открытого педагогического университета.

Автор выражает благодарность за помощь в работе над статьей к.и.н. С.В. Сопленкову.

нитые деятели русской культуры, в том числе А.А. Алябьев, А.Н. Верстовский, А.Л. Гуриев, А.С. Грибоедов и другие⁷.

В воспоминаниях С.П. Жихарева говорится о весьма состоятельных московских британцах — торговцах лошадьми («старике» Дж. Бэнксе, Иване Шмите (Джоне Смите), Жаксоне (Джексоне) и других). Он же упоминает о том, что в Москве на покое жил любимый врач Екатерины II шотландец И.С. Рожерсон (Джон Роджерсон)⁸.

С началом наполеоновских войн судьбы британцев-москвичей складывались по-разному. С одной стороны, многие из них уехали из России после заключения Тильзитского мира с Францией, приведшего к разрыву отношений с Великобританией и наложению эмбарго на имущество британских подданных в октябре 1807 года. С другой стороны, в конце 1807 — начале 1808 гг. в Москву прибыли сосланные сюда на жительство морские офицеры «из англичан». Как удалось установить Г.В. Ляпишеву, в Немецкой слободе на квартире штаб-лекарши Е.И. Арендт, матери известного впоследствии врача Н.Ф. Арендта, поселились адмирал Е.Е. Тет (Джордж Тэйт), капитан-командор А.И. Эллиот и другие офицеры. Вице-адмирал Р.В. Кроун жил в доме купца Ямщикова близ Госпитального моста. Где-то здесь жил и контр-адмирал А.С. Грейг, сын прославленного екатерининского адмирала С.К. Грейга. Все эти офицеры были возвращены на службу в марте 1812 г., когда стало ясно, что войны с Францией не избежать и отношения с Великобританией постепенно нормализовались. В марте — апреле они и их семьи, к счастью, покинули город⁹.

Большинство оставшихся британцев в страшной спешке покинули Москву только в июле — августе 1812 года. Имущество, которое они не успели вывезти с собой, было либо отдано на сохранение знакомым, либо спрятано в их собственных домах, либо просто брошено. Эти вещи, большей частью, погибли во время пожара Москвы или были расхищены наполеоновскими солдатами и русскими крестьянами. Так, например, в доме британского купца Я.Я. Рованда (Джеймса Роузнда), одного из совладельцев торговой фирмы «Рованд, Томсон и К°», который находился по адресу: 5-й квартал Мясницкой части, № 360, было спрятано большое количество как его собственного имущества, так и вещей, принадлежавших купцу Фоме (Томасу) Газу, доктору Я.В. Кару и британским путешественникам Артуру Юнгу и Марте Уилмот. Все это имущество погибло, причем сам Рованд понес убытки на 9811 рублей. Другой британский купец, торговец кожами Х.В. Шутлеворт (Кристофер Шаттлуорт), живший во 2-ом квартале той же Мясницкой части, смог сохранить часть товаров благодаря смелости своего приказчика немца Яакоба Керлера, который перед отъездом из Москвы, когда в город уже вступали французы, надежно спрятал самые ценные кожи в подвале дома иностранца И.Г. Юрша в Мещанской части¹⁰. Но этот пример представляет собой скорее исключение из правила.

Московские британцы бежали, в основном, в Петербург, где жили их родственники и знакомые, и откуда можно было морем отправиться в Великобританию.

Но такая возможность была не у всех. Преподаватель английского языка и словесности Ф.Я. Эванс (Томас Ивэнс) — будущий приятель А.С. Грибоедова и П.Я. Чаадаева — в числе других преподавателей и студентов Московского университета 1 сентября 1812 г. выехал во Владимир и далее в Нижний Новгород, где все они находились в крайне стесненных обстоятельствах¹¹. Британские педагоги, жившие в дворянских семьях, должны были сопровождать своих питомцев во время бегства из Москвы в безопасные места.

Об одном из таких учителей рассказывает в своих мемуарах И.А. Якубовский. Он был карликом кн. П.А. Зубова, последнего фаворита Екатерины II, а в 1812 г. жил в доме надворного советника Д.Ф. Раевского. 1 сентября Раевский отправил своего малолетнего сына Самсона и Якубовского в сопровождении двух учителей, англичанина и русского, в подмосковное имение — д. Неплюево, в 12-ти верстах от Москвы. Но уже 2 сентября они полу-

чили письмо, в котором Раевский вызывал к себе русского учителя, а остальным советовал немедленно выбираться на Касимовскую дорогу и ждать там, чтобы всем вместе отправиться в Симбирскую губернию, где жила его мать. Дальше Якубовский довольно подробно сообщает обо всех злоключениях, которые произошли с беглецами по дороге, причем в этом рассказе можно встретить полный набор стереотипных представлений россиян о британском национальном характере.

Мемуарист не забывает упомянуть о том, что хотя из Москвы они уезжали в спешке, англичанин, единственный из всех, успел захватить с собой свою серебряную посуду. После того, как встреча с Раевским в назначенному месте не состоялась, учитель «засел тут ждать» и упрямо не хотел ехать дальше, невзирая на то, что встреченный ими командир лейб-гвардии казачьего полка генерал-майор граф В.В. Орлов-Денисов советовал немедленно уезжать. С огромным трудом Якубовскому удалось заставить англичанина продолжать путь. Но в то время, когда они ожидали своей очереди переправиться на пароме через р. Оку, проявился вспыльчивый нрав учителя. «...Тут пришел обоз сенатора [А.М.] Лунина, а мы приехали прежде. При обозе был его чиновник и нас не пускает переехать. Вот мой англичанин ужасно рассердился, и тот не уступает, и дело доходит до пистолетов. Я тут не знал, что делать; Самсон Дмитриевич мой заплакал. Я тут ухватил его (учителя. — A.O.) за руки и говорю ему: «Что, вы с ума сошли! Оставляете нас одних; вот хорошо Дмитрий Федорович препоручили вам». Вот он тут немного усмирился», — писал Якубовский¹².

Он все же сумел уговорить чиновника пропустить их первыми, уверив его, что в коляске сидит сын генерала Н.Н. Раевского. Однако через некоторое время вспыльчивость и заносчивость англичанина вновь поставили беглецов в сложное положение. Когда они остановились на ночлег в с. Большое, имении И.И. Демидова, в одном доме с ними хотели разместиться ямщики, которые доставили из Москвы обоз с вещами Демидова. Но «...мой англичанин начал гнать их из-за стола: «Разве вам другого места нет, что вы сюда пришли, где господа сидят?» Они ему отвечают: «И мы можем тут сидеть». Каковы мужики в критическое время! Вот тут он ужасно рассердился и выхватил пистолет. Вот он нас так испугал; я уже не знал, что с нами будет. Вот мужики вскочили: «Да он француз, из Москвы убежал! Ты убьешь одного, а мы твоих костей не оставим!». Испуганный Якубовский привел хозяина, который смог усмирить мужиков, припугнув их полицией. Однако из дома пришлось срочно съезжать под угрожающие крики ямщиков. По дороге карлик умолял своего спутника вести себя осторожнее. Закончилась эта история вполне благополучно, все трое добрались до имения матери Раевского и встретились там с ним самим. Он отругал англичанина за необдуманные поступки, но места учителя не лишил. Зимой 1812 г. они вернулись в освобожденную от французов Москву¹³.

Однако не все британцы смогли покинуть Москву. Некоторые из них вынуждены были остаться в городе. Положение их было еще хуже, чем положение россиян. По условиям введенной Наполеоном в действие с 1806 г. континентальной блокады все британские подданные, даже дети, оказавшиеся на занятых французами землях, подлежали интернированию. Но страшнее этой угрозы для британцев была опасность подвергнуться ярости со стороны русского простонародья, с ненавистью относившегося ко всем без исключения иностранцам, которых они принимали за французов или их пособников. Эта ярость в немалой степени сознательно разжигалась Ростопчиным в его обращениях к народу. Как говорилось в воспоминаниях московского торговца колониальными товарами, немца по национальности, «...еще до вступления французов (в Москву. — A.O.) низшие классы московского населения были настроены чрезвычайно враждебно по отношению к иностранцам. «К концу августа, — пишет он, — многолюдная Москва почти совсем опустела, и опасность для немногих иностранцев, добровольно или по необходимости оставшихся в городе, возрастила с каждым часом, как это показывали резкие

выходки (Excesse) ожесточенного народа, как на улицах, так и в частных домах»¹⁴.

Британцы, оставшиеся в Москве, стремились не показываться на глаза ни французам, ни россиянам. Этим, видимо, и объясняется отсутствие упоминаний о них в мемуарах очевидцев. Да и сами московские британцы, насколько известно, не оставили воспоминаний об этих событиях. До настоящего времени в научный оборот введено только два небольших мемуарных произведения, которые с определенными оговорками можно считать принадлежащими перу авторов, близких к кругу московских британцев. Это краткая «Записка» эконома Воспитательного дома Х.Х. Христиани, женатого на М.-Е.Ф. Гарднер — дочери содержателя фарфоровой фабрики в д. Вербилки под Москвой Франца (Фрэнсиса) Гарднера¹⁵, а также отрывочные и недостоверные заметки авантюриста Р.М. Медокса — сына содержателя и многолетнего управителя московского Петровского театра М.Е. Медокса¹⁶.

Единственное попавшее тогда в печать упоминание о том, как жили московские британцы в оккупированном городе, сохранилось на страницах журнала «Сын Отечества». Весной 1813 г. здесь было опубликовано письмо одного из москвичей. Он рассказывал своему корреспонденту о пребывании французов в Москве и о разрухе, царившей в городе. Автор говорил о том, что наполеоновские солдаты во время поисков спрятанных ценностей не останавливались перед обысками мертвых в гробах и разрытием могил. «Но и в сем случае один анекдот показывает превосходство Английского твердого ума над Французским легкомысленным. Один живущий в Москве Англичанин, по долгому размышлении, не знал, как спасти свое имущество. Уже во время нашествия Французов он вырыл глубокую яму, опустил на дно свои сундуки и засыпал землею; потом, оставя пустого места до поверхности на два аршина, положил туда мертвого Французского солдата. Французы, приметив, что на сем месте запрятано имущество, начали отрывать, и увидя тотчас по вскрытии земли своего мертвого собрата, оставили работу, думая, что тут, кроме мертвого, ничего более не было. Таким образом Англичанин спас свое имение», — писал неизвестный автор¹⁷.

Подобную историю рассказывали много раз в различных вариантах. Ее главный смысл заключался в стремлении доказать превосходство русского или британского ума над французским, из чего следовало, что союзники смогут одержать верх над все еще вызывавшим у них страх Наполеоном.

Однако в нашем распоряжении имеется косвенное свидетельство того, что оставшиеся в Москве британцы не только прятались, пытаясь спасти свою жизнь и имущество. 14 или 15 сентября 1812 г. в занятую французами столицу тайно пробрался коллежский советник Иван Нордберий (уроженец Финляндии). По его словам, в ситуации почти полного отсутствия какого-либо управления по городу можно было ходить «...без подозрения и личной опасности. Собственное исследование мое и подтверждение некоторых умных и благорасположенных к нам англичан, утвердило заключение мое, что гарнизон неприятельский едва ли составляет 15 тысяч мореного войска, пытающегося сперва грабежом остатков после пожара, а ныне подаянием и милостыни»¹⁸. Вызывает удивление приведенная в этом сообщении цифра, так как известно, что вражеских солдат в городе было намного больше. Это либо типографская опечатка в опубликованном тексте документа, либо ошибка автора, вызванная тем, что наполеоновские войска к тому времени рассеялись по всему городу, в значительной степени затерявшиеся на его огромных просторах. Тем не менее, упоминание о британцах свидетельствует об их желании и готовности помочь российским властям.

После ухода французов из Москвы британцы уже в ноябре — декабре 1812 г. стали постепенно возвращаться в столицу. По воспоминаниям очевидцев, в городе в это время бурно развивалась торговля товарами первой необходимости и британские купцы, видимо, стремились не упустить свой шанс. Однако в Москве ходило много фальшивых ассигнаций, оставленных французами, и торговцы, особенно иностранцы, могли легко попасть под

подозрение полиции. Так случилось с двумя иностранцами (предположительно шотландцами) Ермолаем и Дементием Скотиями, жившими в Запасном Дворце¹⁹. Следственный пристав Г.Я. Яковлев и майор драгунской команды Чистяков обнаружили у первого из них на 550 руб., а у второго на 1100 руб. фальшивых ассигнаций. Впрочем, Ростопчин не согласился на предание их суду, так как, по его мнению, «...они могут отговориться неизвестностью и потом получением [денег] за продажу»²⁰. Такое решение подтверждает то, что Ермолов и Дементий Скотии могли быть британскими подданными. В ситуации, когда Россия, ведущая войну с Наполеоном, надеялась на помощь Великобритании, раздражать ее какими-либо претензиями было неуместно.

Следует сказать также и о том, что Александр I уже в декабре 1812 г. распорядился отправить в Москву петербургского архитектора В.И. Гесте или Гести (Уильяма Хэсти), шотландца по национальности, «известного мастерством в сем деле». Ему было поручено составить план восстановления города, причем император, который в это время находился за границей в действующей армии, с помощью министра полиции А.Д. Балашова внимательно следил за его работой. Архитектор прибыл в Москву 9 февраля 1813 г., но, поскольку практически все карты города были уничтожены во время пожара, план был составлен только в июне месяце. В этом плане Гесте высказал идею о необходимости освободить собор Василия Блаженного и Красную площадь от ветхих торговых рядов. По его мнению, между Кремлем и Китай-городом «...может быть сделан бульвар..., который... украсит сии древние стены и башни и был бы полезен жителям Китай и ближайшей части Белгородов (то есть Китай-города и Белого города. — A.O.), которые отделены от бульвара около версты». Гесте предложил также создать обширные площади вокруг сгоревшего еще в 1805 г. Петровского театра, между зданием Московского университета и Тверской улицей, при всех заставах и во внутренней части города, где это было возможно. Император, сделав некоторые замечания (он, в частности, категорически запретил разбирать собор Василия Блаженного), утвердил его план, хотя против этого возражал Ростопчин. Московский главнокомандующий полагал, что «...если бы следовать плану г-на Гесте, тогда бы сотни каменных больших домов уничтожились и стоили бы казне несколько миллионов для приобретения прямой линии»²¹. На возрождение города правительство выделяло значительные суммы, но в условиях постоянно растущей инфляции, средств катастрофически не хватало и Москва не была полностью восстановлена даже и в 1826 году²². Тем не менее, большая часть предложений Гесте была впоследствии реализована на практике, свидетельством чему являются современные Театральная и Манежные площади столицы.

Когда в Европе стало известно о гибели Москвы, многие из британцев хотели лично побывать на месте трагедии. Первые из них посетили развалины столицы уже зимой 1812 года. Якубовский писал о том, что однажды в трактире, который содержал на Кузнецком мосту хозяин-итальянец, он увидел «...шесть англичан, которые приехали прямо из Лондона списывать Москву, в каком она положении». Этот трактир посещали и русские жители, и французские военнопленные офицеры, получившие свободу передвижения под честное слово. «Вот однажды вышел спор за столом: наши начали говорить, что французы сожгли Москву, но французы заговорили: «Не мы зажгли, а вы сами». Вот русские разгорячились: «Вы смеете нам говорить!» И вскочили из-за стола и хотели его (то есть офицера, который это утверждал. — A.O.) схватить, но квартальной взошел и вывел французов, чтобы они тут не приходили. Англичане ничего не говорили и с час просидели подле нас тихо и смирно за столом», — рассказывал Якубовский²³.

В июле 1813 г. Ростопчин сообщил Балашову о том, что «в числе бывших здесь (т. е. в Москве. — A.O.) из любопытства взглянуть на знаменитый подвиг великого Наполеона, были: г. Фениш²⁴, англичане граф Домфрис и полковник Скотт; все они поехали на Макарьевскую ярмарку...»²⁵.

Путешествующие британцы прибывали в Москву и с севера через Петербург и с юга, из Персии, через Кавказ и южную Россию. Рассказ о том, как зимой 1812/13 гг. их встречали тульские дворяне, сохранился в пересказе известного французского писателя маркиза А. де Кюстина. Один из бывших солдат наполеоновской армии итальянец Грассини, взятый в плен под Смоленском и после этого два года проживший в России, при встрече в феврале 1842 г. в Милане рассказал ему о том, что «...если через Тулу проезжал какой-нибудь англичанин, то в домах, где его должны были принимать, все переворачивали вверх дном. Сальные свечи на камине заменяли восковыми, чистили комнаты, старались принарядить слуг; словом, меняли все жизненные привычки»²⁶.

Через два года после пожара город посетил Роберт Джонстон, описавший свои впечатления в изданной в 1815 г. в Лондоне книге под названием «Путешествие по различным частям Российской империи». Здесь он, в частности, писал: «Это место (т. е. Москву. — A.O.) мы теперь пристально осматривали; что за перемены! униженным и попранным простиралось оно ныне, эти разрушенные башни, обвалившиеся и пришедшие в упадок, эти великолепные символы, сорвавшиеся с их горевших стен, и рассеивающие их разбитые вдребезги обломки по пустырям ветра — эти взорванные храмы — эти разбитые ворота — эти ограбленные дома — эти улицы, превращенные в пустыню. Одна ужасная и скорбная картина заброшенности простиралась вокруг: куда бы путешественник ни кинул свой усталый взгляд, всюду было то же самое; он видел еще, как демон разрушения шествовал повсюду во всем могуществе опустошения, и создавал груды обломков там, где сидел гордый орел севера; он мог видеть опечаленного жителя, тоскующего над руинами своего разоренного жилища, и трогающего еще теплый пепел своей священной часовни, где так недавно он мог взывать к его предкам и к его святым»²⁷.

Трагическая тема гибели древнего города, хранившего в своих кладовых сказочные богатства и бывшего столицей русских царей, которых на Западе чаще всего изображали тиранами почти восточного типа, была подхвачена и развернута на страницах британской прессы, а также в произведениях британских писателей и поэтов. В Великобритании тогда появилось огромное количество литературных сочинений, посвященных войне 1812 г. и пожару Москвы. В каталоге И.П. Липранди таких сочинений насчитывается 12, последнее из которых появилось через 41 год после войны²⁸. Британские авторы, в основном, с восхищением описывали героическую борьбу русских с «корсиканским чудовищем» и с сочувствием рисовали картины ужасных разрушений и бедствий, причиненных России французами. Упоминавшийся выше Джонстон называл наполеоновских солдат и их командиров «беззаконной бандой головорезов». При описании Петровского дворца он патетически говорил о том, что отсюда Наполеон «...выпускал свои бессмысленные декреты, которые возвещали снаружи ложь во всех ее наглых оттенках, в то время как его трусливая душа сжималась со страхом и подлостью от опасностей, которые окружали его»²⁹. Даже слухи о сожжении Москвы ее жителями самостоятельно или по приказу Ростопчина, зачастую истолковывались британцами в пользу россиян. Лорд Дж.Г. Байрон, как известно, весьма скептически относившийся к России в целом, язвительно отзывался об Александре I и сочувственно — о Наполеоне. Однако в поэме «Бронзовый век» есть такие строки: «Москва, Москва! Был грозен и жесток // Врагу тобой преподанный урок!..»³⁰

В 1827 г. публицист Ж.Ф. Ансело, за год перед тем посетивший Россию в составе французского посольства, прибывшего на коронацию Николая I, в книге «Шесть месяцев в России» высказал идею о том, что главной виновницей сожжения Москвы опосредованно могла быть Великобритания. Обосновывая свою экстравагантную идею, Ансело писал о том, что если бы Наполеон и Александр I заключили в Москве мир, это стало бы полным крушением всех надежд и политики британского правительства. «Поэтому так ли уж

безрассудно полагать, что Ростопчин и в самом деле не отдавал приказа об этом ужасном деянии, ставшем гибельным для французов, хоть и столь болезненным для России, и что роковой факел был вложен в руки поджигателей управлявшей русским кабинетом тайной силой, которая лелеяла мечту о нашей погибели и переходила от двора к двору, рассыпая золото и собирая несчастья на нашу голову. Разве не Англия стояла за всеми несчастьями Франции?», — писал он³¹.

Эта идея вызвала возражения, прежде всего, со стороны русских авторов. Живший в Париже корреспондент российского правительства Я.Н. Толстой в своей брошюре «Довольно ли шести месяцев, чтобы узнать страну?..», вышедшей в свет на французском языке в 1827 г., заявлял о том, что сами русские не желали мира с Наполеоном, следовательно, Великобритания не было никакого смысла тратить золото на разжигание взаимной ненависти. «Мне кажется, — писал Толстой, — что это обвинение предполагает чрезмерную изворотливость английской политики, и без того уже многократно и несправедливо оклеветанной». В том же году знаменитый поэт кн. П.А. Вяземский откликнулся на книгу Ансело двумя статьями, присланными из-за границы в редакцию журнала «Московский телеграф». В одной из них он, признавая тот факт, что вопрос о главном виновнике пожара Москвы «остается еще доныне историческою тайною», писал о том, что «...граф Ростопчин не мог быть в этом случае слепым орудием английского министерства. Французским политикам, мелкого разбора, везде мерещится английское золото и сен-джемский макиавеллизм»³².

Возможно, одним из источников идеи Ансело стал протокол французской военной комиссии, судившей в Москве 12—24 сентября 1812 г. так называемых «русских поджигателей». В этом документе, в частности, утверждалось, что российское правительство, предчувствуя сдачу города французам, за три месяца до этого стало готовить столицу к уничтожению. Для этого оно в мае 1812 г. пригласило в Москву «...одного доктора Англичанина, именем Шмита, хотя он себя и Немцом называет, а упражнением он механик и машинист, которой... поселился в дачу Воронцова (*chateau de Voronzow*), стоящую в 6 верстах от города, по Калужской дороге, куда отряд, состоящий из 160 человек пехоты и 12 драгун, был приставлен, чтобы обеспечить тайные деяния Шмита и любопытствующих к нему не допускать...». Далее в протоколе говорилось, что Шмит должен был сделать воздушный шар, но это было только прикрытие для изготовления большого количества «зажигательных машин» для уничтожения города. В заключительной части документа еще раз утверждалось, что механик, без всякого сомнения, был не немцем, а англичанином³³.

Данный источник является превосходным примером ошибок, вызванных опасениями французов по поводу того, что Великобритания может оказать более действенную помощь России, нежели это случилось в реальности. Механик, убедивший российские власти доверить ему изготовление воздушного шара для наблюдения за передвижением французских войск и для их обстрела с воздуха, был на самом деле не англичанином и не немцем, а голландцем по имени Франц Леппих (в России он называл себя Смидом). Ошибка могла быть вызвана тем обстоятельством, что русские, которых с помощью переводчиков-поляков допрашивали французские военные следователи, в силу существовавших тогда стереотипов любого искусственного механика принимали за англичанина. Их убежденность в существовании коварного плана британцев по уничтожению Москвы только усилилась, когда они, опять же со слов обвиняемых, узнали о том, что механик работал «на даче Воронцова», имевшего репутацию англофила и врага наполеоновской Франции. Так из нагромождения ошибок и страхов появилась на свет идея о тайном замысле лондонского кабинета, призванном помешать заключению мира между Францией и Россией и, таким образом, обезопасить британские владения в Индии.

Примечания

1. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. IV. М. 1899, с. 226, 228 (Бумаги Щукина.).
2. ЕРОФЕЕВ Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских, 1825—1853 гг. М. 1982, с. 64—67.
3. КРОСС Э.Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб. 1996, с. 106—107.
4. ДУБРОВИН Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807—1829 год). СПб. 1883, с. 24.
5. ЖИХАРЕВ С.П. Записки современника. Воспоминания старого театрала. Т. I. Дневник студента. Л. 1989, с. 233; Бумаги Щукина. Ч. I. М. 1897, с. 9.
6. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). ф. 1. II—7. д. 4.
7. Русский биографический словарь (РБС.). Т. XXI. СПб. 1901, с. 137—140; Карлик фаворита. История жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика Светлейшего Князя Платона Александровича Зубова, писанная им самим. München. 1968, с. 227—229. (Карлик фаворита).
8. ЖИХАРЕВ С.П. Ук. соч., с. 38, 66—67, 68, 84, 108—109.
9. ЛЯПИШЕВ Г.В. Служба представителей английского рода Тиздель во флоте и армии Александра I. Русская армия и флот в первой четверти XIX века. К 200-летию Императора Александра I. Материалы VIII-й научно-практической военно-исторической конференции (Москва, 29 сентября 2001 г.). М. 2002, с. 69—70.
10. Бумаги Щукина. Ч. III, М. 1898, с. 80—81, 135; Ч. V, М. 1900, с. 140—141.
11. АНДРЕЕВ А.Ю. 1812 год в истории Московского университета. М. 1998, с. 75.
12. Карлик фаворита, с. 110.
13. Там же, с. 115.
14. КАРЕЛИН М.С. Новые данные о состоянии Москвы в 1812 году. — Русская мысль, 1896, кн. 10, с. 60.
15. 1812 год в воспоминаниях современников. М. 1995, с. 46—49.
16. Граф Ростопчин и пожар Москвы. Заметки к воспоминаниям [А.Я.] Булгакова о 1812 году Романа Медокса (состоявшего в чине корнета при атамане донских казаков графе Платове). — Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сборник материалов. К 190-летию Отечественной войны 1812 года. Труды Государственного исторического музея (ГИМ). Вып. 132. М. 2002, с. 219—224.
17. Сын Отечества. 1813. Ч. IV, № 9, с. 116.
18. ДУБРОВИН Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). СПб. 1882, с. 155.
19. Императорский Запасной (или Запасный) дворец, построенный в 1753 г., находился в Басманной части Москвы, на углу Красноворотной площади и Новой Басманной улицы. Дворец служил резиденцией членам императорской фамилии и свите на время их пребывания в Москве, особенно в период коронационных торжеств. Поскольку дворец был каменным, он уцелел от пожара и служил пристанищем для лишенных кровла москвичей.
20. Русский архив, 1865, № 4. 15 января 1812 г. в Москве за изготовление фальшивых ассигнаций был арестован некий англичанин Бутлер. См.: Бумаги Щукина. Ч. IX, М. 1905, с. 335.
21. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., с. 393, 494, 501—502, 510—511, 518.
22. АНСЕЛО Ф. Шесть месяцев в России. М. 2001, с. 111.
23. Карлик фаворита, с. 115—116.
24. Это мог быть генерал от инфантерии А.С. Феньш (Фэншоу), англичанин, поступивший на российскую службу еще в 1785 году. Летом 1813 г. он мог посетить Москву по пути на новое место службы к войскам, осаждавшим Данциг. Или это был его сын капитан Г.А. Феньш, перебравшийся в Россию в 1807 году. Он участвовал в войне 1812 г. в качестве адъютанта принца А.П. Гольштейн-Ольденбургского. Если упоминание об отъезжающих на Макарьевскую ярмарку касается и Феньша, то здесь, скорее всего, имеется в виду Г.А. Феньш. О них см.: РБС. Т. XXI, с. 49—50.
25. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., с. 499.
26. КЮСТИН А. де. Россия в 1839 году. Т. II. М. 1996, с. 358.
27. CROSS A.G.. Russia under Western Eyes. 1517—1825. Л. 1973, р. 318.
28. ANDERSON M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553—1815. Л. 1958, р. 218; ЛИПРАНДИ И.П. Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об Отечественной войне 1812 года. М. 1876, с. 57, 60, 64, 92, 95, 103, 104, 109.
29. CROSS A.G. Op. cit., р. 319.
30. БАЙРОН Дж.Г. Избранные произведения. М. 1953, с. 209.
31. АНСЕЛО Ф. Ук. соч., с. 132.
32. Там же, с. 198—199. Приложение II; ВЯЗЕМСКИЙ П.А. Six mois suffisent-ils pour connaître un pays? ou Observations sur l'ouvrage de m^o-g Ancelot, intitulé: Six mois en Russie, par J. T-y. A Paris. 1827 (Письмо из Парижа к С.Д. Полторашкову). — Там же, с. 222.
33. Бумаги Щукина. Ч. I, с. 132, 139.